

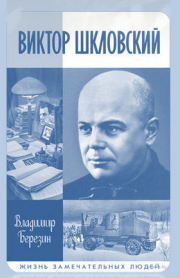
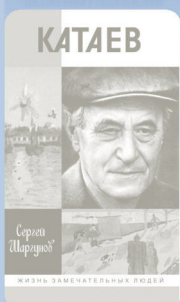

ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
ПРИОКСКОГО РАЙОНА

Центральная районная библиотека им. Т.Г. Шевченко

Дмитрий Ларионов

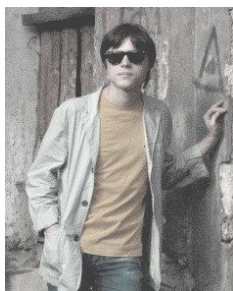
Библиографический обзор
НОВЫХ КНИГ
по литературоведению

Нижний Новгород, 2016

ББК 91.9:83

Ларионов Д.В. Обратные встречи : библиографический обзор новых книг по литературоведению / МКУК ЦБС Приокского района, ЦРБ им. Т.Г. Шевченко. – Нижний Новгород, 2016. – 12 с.

Ежегодно в России выходят книги, достойные широкого читательского внимания. Появление такой продукции – дело принципиально важное; да, был же «Год литературы»: людные ярмарки, новые издания и т.д. Но стало ли больше читателей? Совсем недавно в Центральной районной библиотеке им. Т.Г. Шевченко появилось, как минимум, шесть удивительных биографий. И каждая из них – ждет своего прочтения.

- **Быков, Д.Л.** Тринадцатый апостол. Маяковский [Текст] : трагедия-буфф в 6 действиях / Д.Л. Быков. – Изд. 2-е. – М. : Молодая гвардия, 2016. – 826, [1] с. : портр. – ISBN 978-5-235-03932-2 .

Книга Быкова – в серии ЖЗЛ не первая: до Владимира Владимировича были Борис Пастернак и Булат Окуджава, в текущем году уже анонсирован Максим Горький; а первоначальный выход «Маяковского» отдельным изданием нон-фикшн (вне легендарной серии) продиктован, понятное дело, коммерческими соображениями «Молодой гвардии».

На протяжении двух лет, в ходе выступлений в городах и весях, Дмитрий Львович всячески поддерживал интерес читающей публики к своему герою, и читательский аппетит не подвел – первый тираж долгожданной биографии-реконструкции разошелся так быстро, что к летним каникулам был готов второй.

Апостол? Здесь мы приведем слова литератора и публициста Олега Демидова, в рецензии на сайте «Свободная пресса» он пишет: «Название "Тринадцатый апостол" – неоригинальное. Уже выходила одноимённая книга в 2008-м году. Написал ее Карл Моисеевич Кантор. Быков всего лишь дал подзаголовок...»

Мнение Демидова отнюдь не выглядит категоричным – *ipso facto*.

Жизнь советского поэта композиционно поделена на шесть периодов – шесть действий, в каждом из которых имеется своя сквозная тема. Книга закольцована самоубийством и «револьвером Маяковского»; первый же абзац звучит по-библейски претенциозно: «*Христос был за всех нас распят, Пушкин за всех нас убит на дуэли, а Маяковский за всех нас застрелился*».

Теперь о неточностях. В виду формата – рассмотрим единичный пример: в лабиринте нарратива, филологических инсайтов и авторских открытий, читатель обязательно наткнется на гипотезу есенинского Черного человека. Со своих страниц Быков повествует о близости Маяковского к Есенину по «масштабу и возрасту». Возможно, мол, что тот самый есенинский человек – и есть Маяк (так, от случая к случаю, Быков обращается к ВВМ).

Критик Алексей Колобродов в статье «Поэты, играющие в прятки» справедливо замечает: «Вот два очевидных, по Дмитрию Львовичу, доказательства. Первое: *“Ведь это он (Маяковский – прим. Колобродова) – кто другой? – мог бы ему сказать: „В мире много прекраснейших мыслей и планов...“*. Да мог бы, наверное, хотя явно не штучная фраза, сказать тогда и такое был кто угодно способен. Однако у Есенина: **«В книге (выделено Колобродовым) много прекраснейших/ Мыслей и планов./ Этот человек/ Проживал в стране/ Самых отвратительных/ Громил и шарлатанов»**. Как видим, достаточно посмотреть строфу до конца, чтобы убедиться: Маяковский тут и не ночевал, с невозможными для него, после-революционного, обобщениями. Но суть даже не в не-

точном цитировании: Черный человек, вода пальцами по мерзкой книге, «читает мне жизнь/ Какого-то прохвоста и забулдыги», т. е. речь идет никак не о переустройстве Вселенной, но о беспощадном самоанализе».

К слову, наряду с упомянутым выше Демидовым, литературный критик Галина Юзефович также отсылает читателя к монографии шведского слависта Бенгта Янгфельдта. Если понадобится, кроме оной, в Сети читатель с легкостью может найти положительные и отрицательные рецензии и отзывы. Но, как бы банально это не звучало, беда в том, что Маяковский (в случае с большим поэтом так положено) – у каждого свой.

Свой он и у Дмитрия Быкова.

- **Фаликов, И.З.** Борис Рыжий. Дивий камень [Текст] / И.З. Фаликов. – М. : Молодая гвардия, 2015. – 380, [3] с. + фот. (8 л.). – (Жизнь замечательных людей. Малая серия). – ISBN 978-5-235-03825-7

На создание книги для малой серии ЖЗЛ у Ильи Фаликова ушел год. По своей архитектуре она диспропорциональна. Написана вдохновенно.

Она первая и – уже потому – уникальная.

Борис Рыжий остался верен русской поэтической традиции; его поэтика, в определенном смысле, *смертестроительство*. Александр Кушнер однажды сказал: «Когда я думаю, на кого он был похож, на память приходит толстовский Долохов:

редкое сочетание той же храбрости и нежности, порывистости и мягкости, холода и сентиментальности. Было в нем долоховское бретерство, избравшее своей жертвой в данном поэтическом случае не другого человека, а самого себя».

Рыжий ушел в 26 лет.

Так сложилось, что Фаликов принял непосредственное участие в судьбе своего героя – тем будет любопытнее читателю.

«Дивий камень» скреплен широкими литературными связями; в книге представлена авторская переписка с людьми, близко знавшими Рыжего.

Однако, местами возникает ощущение, что Фаликов просто сваливает все, что имеется у него в наличии: в тело текста зачастую идут несокращенные рецензии и авторские комментарии по тем или иным поэтическим строчкам классиков.

Как и подобает жанру, на страницах соседствуют современники и предшественники. Иной раз это немного удивляет: неподготовленному человеку придется буквально прорываться к Рыжему через многочисленные упоминания и цитаты Пушкина и Мандельштама, Ахматовой и Рейна, Бродского и Кушнера.

Плохо ли это?

К несомненному авторскому открытию можно отнести трудоемкую работу — Фаликов вывел родословную поэта, опросил родных и близких, включил ценные отрывки из ранее не публиковавшейся биографии матери Бориса: о жизни в 1930-е, Великой Отечественной войне, о периоде жизни в немецком Лейпциге...

БР пока не втиснут литературоведами в поэтологические классификации, кондуиты и иерархии; тем не менее, процесс активен: в крупных издательствах выходят

сборники стихотворений; в 2008 году вышел документальный фильм нидерландского режиссёра Алены ван дер Хорст «Boris Ryzhu»; в 2014 году в Челябинске состоялось открытие мемориальной доски на доме, где он родился....

И все такое... Именно так, кстати, был назван первый поэтический сборник Рыжего – «И все такое...» (СПб.: Пушкинский фонд, 2000).

Приведем один из любопытных фрагментов – присуждение премии «Антибукер» в 2000 году. Фаликов пишет: *«Состав жюри того года: Максим Амелин, Павел Белицкий, Евгений Рейн, Виктория Шохина, Илья Фаликов. Предварительный набросок был оговорен по телефону, потом мы собрались и решили то, что решили. Дебаты кончились дебютом. Мы сидели в узком пенале редакционной комнаты, густо дымя (мы с Рейном). Амелин и Белицкий продвигали Ольгу Сульчинскую, их поддержала Шохина (по телефону), но в один счастливый момент Паша Белицкий, поэт и сотрудник «Независимой газеты», перешел на нашу с Рейном сторону. Это совпало с появлением в нашем дыму Виталия Третьякова – он пришел на шум голосов. Шеф сказал: ну, раз так, то дадим поощрительную – и назвал цену. Я подсказал: за дебют. Рейн небрежно-скромно под конец признался: “У Рыжего есть стихи обо мне”».*

Многие говорят – популярность Рыжего необоснованна, что, конечно, несправедливо. Пусть говорят. Пусть читают.

Пусть читают – и говорят.

- **Шаргунов, С.А.** Катаев. Погоня за вечной весной [Текст] / С. А. Шаргунов. – М. : Молодая гвардия, 2016. – 703 с. + вкл. (16 л.). – ISBN 978-5-235-03917-9.

Жизнь его была огромна.

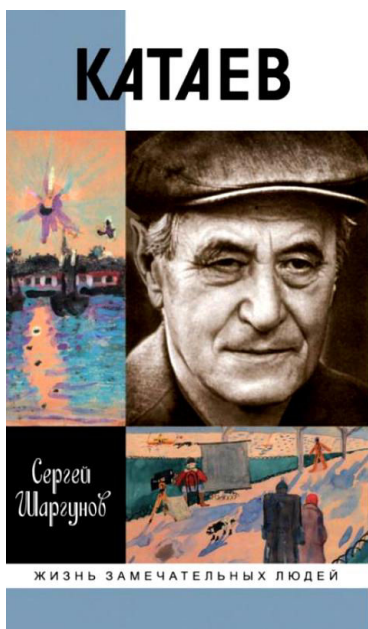
Добрый читатель, чтобы понять какого калибра был главный герой Шаргунова, может в несколько кликов найти видеозапись встречи Валентина Петровича с читателями. Не поленитесь, наберите в поисковике: «Катаев в концертной студии Останкино».

Это он, Катаев, на той самой встрече: «Когда я приехал в Москву, оказалось, я живу примерно в том же районе, где жил Маяковский. Все время ожидал, что когда-нибудь я встречу его на улице. И действительно: на углу Мясницкой я увидел – идет Маяковский с выпуклым рельефным лицом, с папиросой в углу рта, в круглой барашковой шапочке.

Я был нетрусливый парень, подошел к нему, сказал – Вы Маяковский? – Да, Маяковский, а что? – Я очень люблю ваши стихи. И хочу с вами познакомиться. — Очень рад, что молодые люди... Приходите ко мне!»

Маяковский был старше Катаева всего на четыре года...

Книга Шаргунова – поступок в современной русской литературе. В широком смысле – это осуществление новыми реалистами воссоединения литературной традиции: Захар Прилепин выступил биографом Леонида Леонова, Сергей Шаргунов –

Валентина Катаева. Имена Леонова и Катаева были практически исключены из литературного обихода.

О работе над биографией было известно давно: автор дни напролет просиживал в архиве, беседовал с родственниками писателя; отдельные главы будущей ЖЗЛ выходили в либеральной и «почвеннической» периодике (журналы «Новый мир», «Дружба народов» и «Наш современник»).

«Разговор о Катаеве, – пишет Шаргунов, – неизбежно воскрешает огромный литературный и исторический контекст».

И до чего приятно вращаться в этот контекст, ровный шаргуновский тон!

Он расставил по местам и разобрался в родословной: нам показаны доселе неизвестные персонажи катаевского круга, боевые офицеры турецких войн и кампании 1812 года; рядом соседствует двоюродный брат писателя. Последний, кстати, поплатился жизнью за оказание медицинской помощи белогвардейцам.

Разыскал Шаргунов и первую жену Валентина Петровича, о существовании которой не подозревали даже собственные дети Катаева.

Шаргунов обращается к текстам Егора Летова («Вечная весна в одиночной камере»), рассыпает по страницам десятки любопытных фактов: Катаев ухаживает за сестрой Михаила Булгакова, во время Великой Отечественной – летит в самолете на месте пулеметчика... или – кутит по французским кабакам в компании Евгения Евтушенко.

А что до храбрости – ее Валентин Петрович проявлял не только на фронте. Он не боялся спорить и с Иосифом Сталиным (последний наградил его после войны Сталинской премией второй степени за «Сына полка»). Тогда же Катаев боролся за освобождение поэтов Валентина Стенича и Николая Заболоцкого.

Скроена книга ладно: восемь больших частей и два приложения, в которые входят письма из личного архива Людмилы Коваленко.

«Проза Катаева – одно из оправданий жизни, – утверждает Шаргунов. – Понимайте, как хотите. Мне так кажется».

Его книга напомнит людям старшего поколения о выдающемся мастере слова, а молодым – откроет замечательного писателя.

От нас – читательская благодарность.

■ **Березин, В.С.** Виктор Шкловский [Текст] / В. С. Березин. – М. : Молодая гвардия, 2014. – 544 с. – (Жизнь замечательных людей). – ISBN 978-5-235-03706-9

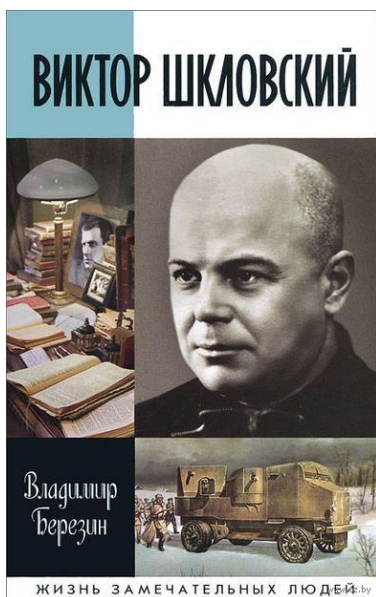
На основе жизни известного литературоведа стоило бы снять художественный фильм: боевик в лучших традициях жанра. Получилось бы здорово.

Есть, правда, документальная лента «Жизнь как роман» (о Шкловском и Якобсоне); есть и сам Шкловский – «Слово о Льве Толстом».

Герой Березина – участник Первой мировой войны, получивший Георгиевский крест за храбрость; эсер, бежавший от чекистов по льду Финского залива, белоэмигрант, ставший успешным советским деятелем. Многие фразы Шкловского стали крылатыми, придуманные им термины и определения вошли в литературоведение и критику.

Одно «по гамбургскому счёту» чего стоит.

События его жизни напоминают авантурный

роман.

Книга – не расхристанное эссе, а признание в любви на пятьсот страниц.

Березин общается со Шкловским запросто и без панибратства; Шкловский для него – не портрет на стене филологического факультета, но коллега и товарищ.

Цитата: «Шкловский стал для меня учителем в литературе. Прости меня, Виктор Шкловский, что я пишу о других людях, о восходах и закатах, о новых войнах, а также статьи о литературе. Надо писать биографию Виктора Шкловского, а я все отступаюсь, делаю шаг к костру, и эта обязанность остается в холодной темноте».

Но книга написана. И книга – большая удача. И, благо, сам Виктор Шкловский писал о себе предостаточно.

Перед читателем интересное кино: вот Шкловский бежит по льду в Финляндию. А вот – страдает в Берлине. Еще раньше, в Москве, перекрашивает голову в лиловый; едет на Беломорканал и бросает сакраментальное «про лисицу и пушную лавку».

Что будет еще? Международные вагоны, Анна Андреевна Ахматова «в уборную как богородица», желание ввести форму для членов писательского союза: «И значки ввести: для прозы – чернильницу, для поэзии — лиру, а для критиков — небольшую дубинку. Идет по улице критик с четырьмя дубинками в петлице, и все писатели на улице становятся во фронт».

Тридцать шесть глав – тридцать шесть серий.

«Все обвинения, – говорил Шкловский, — даже если они подтверждены бумагами, подлежат сомнению. Только добрым словам можно верить сразу».

Владимир Березин написал биографию добрыми словами. И Шкловский в ней – слышен.

Он и сейчас шепчет нам: «Человек от природы эгоистичен, если в нем мало веры, но много страха, и мир обступает его как философа Григория Сковороду. Но ушел философ Сковорода от жестокого мира, не поймал мир его. И всяк понимает, шурша чужими дневниками, что есть шанс спастись от отчаяния. Наши жизни полны частного отчаяния – мелких неудач, травли, непонимания близких, осознаниях своих проступков и подлостей, но наука состоит не в оправдании собственных ошибок, а в осознании того, что ты – часть общего потока познания, неистребимого как надежда».

По гамбургскому счету. По гамбургскому счету...

- **Янгфельдт, Б.** Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг [Текст] / Б. Янгфельдт ; пер. со швед. А. Лавруши, Б. Янгфельдта. – М. : АСТ : CORPUS, 2016. – 526 с. : ил. – ISBN 978-5-17-094260-2

«Ставка – жизнь», возможно, лучшая книга о Маяковском.

Автор – Берт Янгфельдт – шведский славист и историк литературы. Биограф двух больших поэтов — Бродского и Маяковского.

Книга раскрывает не только овеянный легендами любовный и дружеский союз, но и многих людей, которые окружали Владимира Владимировича.

Янгфельдт воспроизводит водоворот политических, литературных и личных страстей, который для многих оказался гибельным.

В биографии, проиллюстрированной большим количеством редких фотографий, ис-

пользованы не известные до сих пор документы из личного архива Лили Брик, и архива британской госбезопасности.

Есть и любопытное свидетельство о приезде Бриков в Нижний Новгород: *«Летом после свадьбы они поехали в Нижний Новгород, где фирме “Павел Брик, Вдова и Сын” принадлежала лавка № 15 в караван-сараяе. Номера располагались этажом выше. Каждый день, спускаясь в лавку, Осип запирали дверь их комнаты снаружи. Строгие мусульманские нормы не позволяли женщине появляться без сопровождения, и даже в уборную Лили провожал коридорный. По вечерам они тем не менее посещали увеселительные заведения: “Купцы гуляют и на молоденькой, удивительно красивой еврейке в испанском костюме (выступавшей на сцене – прим. Б. Янгфельдта) количество брильянтов растет с каждой ночью”, – вспоминала Лили».*

Янгфельдт подробно освещает жизнь людей из «круга»: Эльза Триоле и Александр Краснощеков, к примеру, остаются живыми и равноправными; автор не уравнивает их с привходящими обстоятельствами. К каждому герою своей книги Янгфельдт относится с человеческим участием; от неизвестных ответов остаются открытые вопросы, которые, в свою очередь, свидетельствуют о желании добраться до истины.

Теперь о переводе книги. Он великолепен. Переводчиком, совместно с Асей Лаврушиной, выступил сам автор.

«Многих из ближайшего окружения Маяковского, – пишет Янгфельдт, – я имел честь знать лично, некоторых из них близко – Лили Брик, Василия Катаняна, Романа Якобсона, Льва Гринкруга, Луэлли Краснощекову, Галину Катанян, Татьяну Яковлеву и Веронику Полонскую».

Главный результат книги – Маяковский в наших глазах перестает быть «человеком-памятником».

И в тоже время – Маяковский – остается недосягаемым:

*Любить —
это с простынью,
бессонницей
рваных,
срываться,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Ивановны,
считая
своим
соперником.*

- **Громова, Н.** Узел. Поэты. Дружбы. Разрывы [Текст] : из литературного быта конца 1920-х-1930-х годов / Н. Громова. – М. : АСТ : CORPUS, 2016. – 604, [1] с. + фот. (32 л.). – ISBN 978-5-17-095557-2.

Предвоенная пора. Трагические судьбы поэтов, объединенных дружбой и творческими позициями, на фоне жизни Москвы 30-х годов. По страницам книги Громова проходят знаменитые и незаслуженно забытые литераторы, без которых сегодня нельзя представить отечественную словесность.

Наталья Громова – историк литературы, исследователь литературного быта, долгое время работала в Государственной исторической библиотеке, сейчас – ведущий научный сотрудник Дома музея Бориса Пастернака в Переделкино. Ее «Узел» основан на архивных материалах и устных воспоминаниях.

нениях М. Белкиной, Л. Либединской, а также других современников тех лет.

Главные герои-поэты книги – Пастернак, Луговской, Тихонов, Петровский.

На уровне композиции в «Узле» выведены характерные черты исследуемого времени; перед читателем реализуется сложно устроенная система оппозиций, вырастают модели взаимоотношений между основными участниками событий тех лет: писатели – «попутчики», писатели – государство, личность — время и т.д.

Прекрасно сформулировал мысль в своей рецензии на эту книгу Николай Крыщук: «Еще Борис Михайлович Эйхенбаум, пришедший в литературу с опытом «романтических неудач», мечтал заняться историей литературного быта. Такая история лишена иллюзий, чего не скажешь о самой литературе. По ней можно подробно проследить, как метаморфозы исторических дней сказываются на судьбе одного человека или поколения. К тому же литераторы – наиболее «говорящая» часть населения. После них остаются не только произведения, которые в этом контексте читаются как документы, но дневники, письма, записные книжки, а также многочисленные воспоминания современников».

Громова преломляет историю сквозь призму быта; на наших глазах варится «каша времени».

Пересказывать такую историю бесполезно.

А кашу – надо съесть.